

А К А Д Е М И Я Н А У К С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1977

Год издания двадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

ПОЛЕМИКА

Д. С. ЛИХАЧЕВ

«ТАКТИЧЕСКИЕ УМОЛЧАНИЯ» В СПОРЕ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ЗАДОНЩИНЫ»

В споре о подлинности «Слова о полку Игореве» создано в настоящее время весьма острое, но не совсем ясное для непосвященных положение. Спор сосредоточился в основном только вокруг одного вопроса: что от чего зависит — «Слово о полку Игореве» от «Задонщины», как утверждают «скептики», или «Задонщина» от «Слова о полку Игореве», как утверждают защитники подлинности «Слова». По всем остальным вопросам спора произошло достаточно выразительное отступление, если не «беспорядочное бегство», скептиков. Никто из скептиков в настоящее время не утверждает, что именно первые издатели «Слова» были фальсификаторами или знали о том, что рукопись «Слова» фальсифицирована. Не только документы, но и самый ход подготовки и правки текста «Слова» в первом его издании отчетливо убеждают в том, что подготовка и правка велись издателями не «из головы», как это было бы естественно для людей, замешанных в фальсификации, а по какой-то рукописи, которая была для них достаточно авторитетна и которую они поэтому стремились воспроизвести возможно точнее. Никто из скептиков, профессионально знакомых с историей русского языка, не пытается утверждать, что в лексическом или грамматическом строе «Слова» обнаруживаются какие-либо особенности языка XVIII века. Никто из скептиков не «доказывает» сейчас, что «Слово» соответствует литературным принципам и историческим знаниям XVIII века. Никто не решится утверждать сейчас, что рассказ «Слова» о поражении русских войск Игоря Святославича был необходим для «империалистических» замыслов Екатерины II. Не фигурируют сейчас в работах скептиков и многие другие группы их аргументов, которые когда-то были представлены в старых работах, например черновых набросках М. И. Успенского,¹ А. Мазона и пр.

Свою оборону скептики сосредоточили сейчас на одном пункте: что древнее по текстологическим соображениям — «Слово о полку Игореве» или «Задонщина». Оборонять свои позиции на одном этом узком плацдарме почти невозможно, так как спор о подлинности любого произведения — спор широкий. Надо не только доказать несоответствие «подозреваемого» произведения своей эпохе, но и доказать возможность его появления по всем показателям в той эпохе, к которой его относят скептики. Тем не менее спор по текстологическим вопросам очень сложен, он недоступен для широкой публики, и широкая публика, которая, естественно, не может уследить за всеми частностями, легко может быть поэтому введена в заблуждение и предположить, что основания для сомнений в подлинности «Слова» все же имеются. Очень четкий обзор существа текстологического спора о «Задонщине» и ее отношении к «Слову» в недавнее время был дан в журнале «Русская литература» в статье Р. П. Дмитриевой «Некоторые итоги изучения текстологии „Задонщины“ (в связи с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве»)».² Тем не менее защита позиций скептиков может вестись и даже казаться убедительной для неспециалистов в форме, которая позволяет обойтись без упоминаний самого «Слова».

На том сравнительно жалком и узком плацдарме, который в настоящее время остался скептикам, им необходимо защищать две позиции:

1) отстаивать деление списков «Задонщины» на две редакции: краткую, которую скептики считают древнейшей (отождествляя древность списка с древностью представляемой этим списком редакции), и пространную, к которой они относят все остальные списки;³

¹ См. о последнем мою статью: Д. Лихачев. В поисках единомышленников. «Вопросы литературы», 1966, № 5, стр. 158—166.

² «Русская литература», 1976, № 2, стр. 87—91.

³ См. критику этого деления и проистекающих отсюда выводов для вопроса о подлинности «Слова о полку Игореве» в упомянутой выше популярной статье Р. П. Дмитриевой. Там же литература вопроса.

2) показать — откуда же явились все те стилистические и языковые особенности «Задонщины», которые не находят себе соответствий в литературе ее времени и которые исследователями объясняются прямым влиянием стилистики и отдельных пассажей «Слова о полку Игореве».

Вот два пункта, по которым скептикам необходимо дать недвусмысленные и исчерпывающие ответы, если они хотят сохранить свои позиции (весьма ограниченные, как я уже сказал).

После этого короткого, но необходимого вступления обращаюсь к прямому рассмотрению статьи С. Н. Азбелева «Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией», недавно появившейся в одном историческом издании.⁴

По первому пункту С. Н. Азбелев в своей статье никакого ответа не дает. Он даже не упоминает о том, что большинством исследователей, которые занимались тщательным текстологическим анализом взаимоотношения списков «Задонщины», дается иное деление списков: на извод Синодальный и извод Ундольского. С. Н. Азбелев даже не упоминает самих работ, в которых проводится эта точка зрения. Напротив, он исходит из деления на краткую редакцию, представленную списком Кирилло-Белозерским, и редакцию пространную, представленную всеми остальными списками, как будто это является общепризнанным, само собой разумеющимся фактом. Обратившись ко второму пункту — откуда явились особенности «Задонщины», С. Н. Азбелев снова исходит как из доказанного, что краткая редакция первоначальна, и даже не упоминает об объяснении особенностей Кирилло-Белозерского списка, которые давались защитниками подлинности «Слова». С. Н. Азбелев видит в «Задонщине», в ее краткой редакции, только фольклорное произведение и пытается доказать это путем приведения сходных мест из фольклора, причем во всех случаях текст «Слова» им полностью игнорируется, как будто близости памятников не существует и никогда и ничего на эту тему не писалось.

Однако если мы даже забудем об этом странном методе «умолчания», то и тогда сама методика сопоставления с фольклорными произведениями не может не вызвать недоумения. Попробуем разобраться в том, как же сопоставляет С. Н. Азбелев «Задонщину» с произведениями фольклора, чтобы доказать ее фольклорное происхождение.

Прежде всего отметим, что, следуя своей концепции о делении списков «Задонщины», С. Н. Азбелев сопоставляет с фольклорными отрывками только текст Кирилло-Белозерского списка. Он приводит полный его текст в колонке слева, а в колонке справа — параллели из фольклорных источников.⁵ Эти параллели представляют собой в основном крайне укороченные, выхваченные из контекста отрывки. В конце сопоставления С. Н. Азбелев сам пишет, что «параллели к Задонщине представляют собой ряд более или менее коротких текстовых фрагментов» и что «некоторые фрагменты взяты (я бы выразился более определенно: «выхвачены», — Д. Л.) из фольклорного контекста, далекого по смыслу от соответствующего пассажа Задонщины» (стр. 172). Взглянем, как это делается.

Отметим, что так называемые «параллели», которые в большинстве случаев параллелями не являются, приводятся С. Н. Азбелевым из произведений самых разнообразных фольклорных жанров, поэтических и прозаических: из былин, исторических песен, лирических песен, сказок и в одном случае даже просто из «Словаря местных и старинных слов», приложенного к тому II «Былин Севера» А. М. Астаховой (сноска 8 на стр. 166; отсылка дается к стр. 830 тома II «Былин Севера»). Совершенно ясно, что если мы пытаемся установить связи какого-либо произведения с фольклором, то мы прежде всего должны указать — с произведениями какого фольклорного жанра эта связь устанавливается.

В основном в статье приводятся словарные параллели, при этом отдельные слова совершенно не характерны для фольклора, а кроме того, примеры чисто случайны. Так, в «Задонщине» сказано «хоригови берчаты», а «параллель» к этому дается «Через те ли скатерти берчаты» (стр. 167). В «Задонщине» говорится «воскладая свои златые персты на живые струны», а в сопоставлении с этим дается такой текст: «Держит гусли звончатые, по гусельцам лежат струны золотые» (стр. 166). Что, спрашивается, кроме слов «златые» и «золотые», общего между этими двумя текстами?

Я бы мог привести множество примеров подобного рода, но нет нужды в этом, так как сам С. Н. Азбелев признается, что он берет «короткие примеры», «дале-

⁴ Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. Редакционная коллегия: Н. И. Павленко (главный редактор), В. И. Бобыкин, В. И. Буганов, А. А. Зимин, И. Д. Ковальченко, Б. Г. Литвак, А. Г. Тартаковский, Л. В. Черепнин, С. И. Якубовская. Изд. «Наука», М., 1976, стр. 163—190 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте).

⁵ В дальнейшем, разбирая фольклорные примеры, приводимые С. Н. Азбелевым, я в целях экономии места не даю библиографических указаний, поскольку они имеются в его статье.

кие по смыслу» (текст этот С. Н. Азбелева мною уже приведен выше). Гораздо интереснее вопрос: зачем же это делается? Если читать правую, составленную С. Н. Азбелевым из коротких отрывков колонку текста, то создается впечатление, что текст в целом довольно связан и близок к «Задонщине». Именно этого поверхностного впечатления, по-видимому, автор и добивался. Если С. Н. Азбелев станет отрицать это свое намерение, то ведь в подобном сочинительстве не важно — намеренно или ненамеренно достигается такого рода впечатление: факт тот, что это впечатление у всякого непредвзятого читателя создается. Вот пример.

В «Задонщине» сказано, что «князь великий Дмитрий Иванович и брат его князь Володимер Ондреевич поостриша сердца свои мужеству», а в приводимой С. Н. Азбелевым «параллели» из песни «Из Крыму и из Нагаю» приводятся следующие слова «А ехали два братца родимыя» (стр. 166). Связи нет никакой, ибо «братцы» едут совсем другие, в другом направлении и с другими намерениями. Однако в сочиняемой С. Н. Азбелевым собственной «былине» эти слова несомненно к месту, так как они создают впечатление, что едут те же братья, в том же направлении, с теми же целями. Вот мозаичный текст С. Н. Азбелева (точками с запятой отделяются отрывки из совершенно различных фольклорных произведений): «На то побоище Мамаево; Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове; А ехали два братца родимыя; Первый полк взял Задонский князь Дмитрий Иванович...» (стр. 166).

Создание искусственного текста ясно видно и на следующем примере. В «Задонщине» об обоих двоюродных братьях Дмитрие Донском и Владимире Серпуховском говорится, что «Они бо взнялися как соколи со земли Русския на поля полонетция». К этому месту С. Н. Азбелев создает следующую «параллель» из двух кусков фольклорных текстов: «И стал напущать он на полки татарские что ясен сокол; В далну орду, в полувецку землю» (стр. 167). Но второй отрывок (отделенный от первого точкой с запятой) искусственно присоединен к первому и не имеет никакого отношения к походу против татар первого отрывка, а без первого он никак не может рассматриваться как мало-мальски необходимая параллель. Весь смысл правого, сочиненного С. Н. Азбелевым столбца в создании искусственного контекста, рассчитанного на читателя, который поленится проверять вырванные куски по источникам. Примеров такого рода произвольного создания контекста можно было бы привести много.

Не обошлось дело и без мелких подстановок. Так, например, в Кирилло-Белозерском списке в месте, заимствованном, как хорошо известно, из «Слова о погибели Русской земли», говорится о Железных Воротах — старинной крепости на берегу Каспийского моря. Никто и никогда не сомневался в том, что это за Железные Ворота, и во всех изданиях текстов «Слова о погибели» и «Задонщины» они, само собой разумеется, писались, как и полагается географическим названиям, с прописных букв. Вот это место: «Воды возпиша, весть подаваша по рожнымь землямь, за Волгу, к Железным Вратомь, к Риму, до Черемисы...» и т. д. С. Н. Азбелев пишет «железным вратомь» со строчных букв и подбирает им «параллель» — «Отворяют ворота железныи» (стр. 170). Но «Железные Врата» и «железные ворота» имеют такую же связь, как река Кура с птицей кúрой, река Амур с амуром, город Кривой Рог с кривым рогом, Жигули с жигулями, Куликово Поле с полем куликов⁶ и пр.

Чтобы приблизить собственный текст к тексту «Задонщины», С. Н. Азбелев не только выхватывает слова из фольклорных произведений, но и изменяет пунктуацию. Так, например, к словам «Задонщины» «Земля еси Русская, как еси была доселева за царем за Соломоном» С. Н. Азбелев приводит следующие слова: «Со святой Руси пришел-то Соломон царь» (стр. 169). На самом же деле в сборнике «Русские былины старой и новой записи» Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера (М., 1894, Отдел второй, стр. 252) текст читается так:

Не калека пришел со Святой Руси,
Пришел-то Соломон царь Давыдович.

Опуская запятую и вырывая слова из контекста, С. Н. Азбелев изменяет смысл предложения. Мало того, он присоединяет к этим вырванным из контекста с измененным смыслом словам еще и другие — «Я то прежде-то был да в земли Русской», которые никакого отношения к предшествующим не имеют, как не имеют и к «Задонщине», но в связи с предшествующими создают впечатление параллели.

⁶ Впрочем, такое смешение в истории скептицизма уже имело место. См. «Champ des Bécasses» («бекасиное поле»): А. М а з о н. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, р. 5. На самом деле Куликово поле происходит от «куличек» — «отдаленных мест».

Смысл слов, приводимых из фольклорных произведений, очень часто совершенно другой, и установить этот другой смысл по отрывочному цитированию С. Н. Азбелева совершенно невозможно. Для этого необходимо сверять цитаты с источниками. Приведу некоторые примеры (далеко, разумеется, не все). Так, к словам «Задонщины» «Той бо вещей Боян... пояше славу русским княземъ» приводятся слова «Тут старому славу поют» (стр. 166). Но в первом случае пение славы означает прославление, а во втором — отпевание, похороны. Вот это место полностью:

И начали копать мать сыру-землю,
И хоронить тело да во сыру-землю.
.....
Тут старому славу поют.

Аналогичное изменение смысла имеет место и в следующей «параллели». В «Задонщине» говорится, что Дмитрий Иванович и его брат Владимир Андреевич вспоминают, поминают князя Владимира. В примере С. Н. Азбелева Илья Муромец входит в палату и здоровается с князем Владимиром: «Поклоняется на все стороны, величает царя Владимира». Контекст, из которого смысл последних слов был бы ясен, разумеется, опускается (стр. 167).

Насколько вольно подбираются «параллели», показывает и следующий пример. К словам «Задонщины» «трубы трубят в Серпухове» приводится следующая группа слов: «Трубила трубонька по заре» (стр. 167). Но в «Задонщине» трубы трубят к выступлению в поход, а во втором случае — это сравнение с плачем девушки по своей косе из свадебной лирической песни:

Трубила трубонька по заре,
Восплакала Марьюшка по косе...

Я привел только незначительную часть примеров, которые можно было бы собрать для иллюстрации «сравнительного метода» в статье С. Н. Азбелева. Все это удивительно, но еще удивительнее то «отпущение грехов», которое сам автор статьи дает себе в конце своих «сопоставлений»: «Близость почти всего текста Задонщины по рукописи XV в. к текстам фольклорных произведений, записанных в новое и новейшее время, оказывается в целом достаточно (так! — Д. Л.) очевидной. Временами стилистическая близость переходит в почти полное текстуальное тождество. Значение этого факта не умаляется ни тем, что параллели к Задонщине представляют собой ряд более или менее коротких текстовых фрагментов, ни даже тем, что некоторые фрагменты взяты из фольклорного контекста, далекого по смыслу от соответствующего пассажа Задонщины» (стр. 172). Это заявление С. Н. Азбелева можно было бы продолжить примерно так: ни даже тем, что во вновь созданном «произведении» фрагменты приобрели иной смысл, чем тот, который они имели *in situ*, что они взяты из произведений различных жанров, что «Задонщина» принадлежит по своим структурно-сюжетным особенностям к произведениям письменным и не имеет ни в тематическом, ни в сюжетном отношении ничего общего с фольклором и т. д., и т. п. Наконец, С. Н. Азбелеву надо было бы сознаться, что ни одна из приводившихся в литературе параллелей из «Слова о полку Игореве» и «Слова о погибели Русской земли», в отношении которого никто и никогда не сомневался, что оно предшествует «Задонщине», не перекрывается ни одной из приводимых им «параллелей» из фольклора по своей близости. Предоставляю это проверить самим читателям.

Я не разбираю всей остальной части статьи С. Н. Азбелева, где он касается списков так называемой «пространной редакции», так как он полностью игнорирует литературу вопроса по текстологии «Задонщины» (работы Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова, мои, А. Данти и пр.). Кратко остановлюсь только на той части статьи, где он «вербует» в свои единомышленники ряд покойных и еще живых исследователей. Здесь методика С. Н. Азбелева примерно та же. В число единомышленников С. Н. Азбелев относит И. И. Срезневского, В. Ф. Ржигу, А. И. Никифорова, В. П. Адрианову-Перетц, А. Н. Котляренко. К числу своих сторонников С. Н. Азбелев одним боком присоединяет и меня.

Дело, однако, обстоит не так просто. Следует прежде всего различать устное происхождение отдельных списков и всего произведения, с одной стороны, и фольклорное происхождение памятника, с другой. С. Н. Азбелев «доказывает» (мы видели как), что у «Задонщины» в качестве предшественников были только фольклорные произведения, из чего с непреложностью следует, что «Слово» не предшествовало «Задонщине», а явная их близость может объясняться только тем, что «Слово» возникло как подражание «Задонщине». Между тем ни один из указываемых С. Н. Азбелевым исследователей этого не считал.

И. И. Срезневский рассматривал «Задонщину» как «образец особого рода народ-

ных поэм исторического содержания» и при этом не исключал влияния «Слова о полку Игореве». Он писал, что в «Задонщине» «кое-что кажется дословно взятым из Слова о полку Игореве». ⁷ С. Н. Азбелеву следовало бы об этом сказать, излагая точку зрения И. И. Срезневского.

В. Ф. Ржига также считал «Задонщину» подражанием «Слову о полку Игореве», но, подражая, автор «Задонщины», по его мнению, шел «в сторону большего сближения своего произведения с устным народным творчеством». «Слово о полку Игореве» автор «Задонщины» знал «по памяти» и отдельные списки «Задонщины» также писались «на память». ⁸

А. И. Никифоров высказывал мнение, что «Задонщина» целиком фольклорное произведение, былина и в доказательство даже пел «Задонщину», как и «Слово о полку Игореве», на своей публичной защите докторской диссертации. И все же главным источником «Задонщины» А. И. Никифоров считал «Слово о полку Игореве» — «былину XII века». ⁹

Само собой разумеется, что и В. П. Адрианова-Перетц, усматривая влияние народных песен и преданий на «Задонщину», не исключала существования главного источника поэтических средств «Задонщины» — «Слова о полку Игореве». ¹⁰ Она только объясняла испорченность списков «Задонщины» тем, что писцы работали «по памяти», однако устное происхождение текста списков — это одно, а фольклорность произведения — совсем другое.

Что касается до А. Н. Котляренко, то вот его общий вывод: «„Задонщина“ в отношении языковых особенностей продолжает те лучшие традиции письменного литературного языка, которые были свойственны величайшему памятнику древнерусской письменности (курсив мой, — Д. Л.) — „Слову о полку Игореве“, под непосредственным влиянием которого повесть и была написана... В „Задонщине“ отражается новый характер литературного языка, близкого, с одной стороны, к традициям древнерусской письменности (курсив мой, — Д. Л.), с другой — к живой разговорной речи и деловой письменности и, наконец, в нем имеются элементы народно-поэтической речи». ¹¹ В свете этого общего положения А. Н. Котляренко следует понимать и его, цитируемое С. Н. Азбелевым (стр. 173—174), частное заключение о синтаксисе «Задонщины», что он «отличается почти полным отсутствием таких явлений, которые можно отнести к специфически книжным, специально литературным по употреблению». ¹²

А теперь про domo sua. Из приводимой С. Н. Азбелевым цитаты (стр. 174) можно понять, что я также считаю текст «Задонщины» фольклорным. Между тем я пишу в цитируемой им статье лишь о названии «Задонщина». Это название народное, присуще только одному списку и, по-видимому, принадлежит писцу этого списка (Кирилло-Белозерского) Ефросину, который был «любителем народных произведений». Только и всего. ¹³

Статья С. Н. Азбелева производит грустное впечатление, во-первых, своей тенденцией во что бы то ни стало доказать только фольклорное происхождение «Задонщины», поставив тем самым «Слово о полку Игореве» в зависимость от этого

⁷ И. И. Срезневский. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимира Ондреевича. «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», т. VI, вып. V, 1858, стлб. 340, 342. Ср. также его же «Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине» (там же, т. VII, вып. II, 1858, стлб. 96—100).

⁸ В. Ф. Ржига. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. В кн.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 377, 390, 399—400 (серия «Литературные памятники»).

⁹ См. тезисы докторской диссертации А. И. Никифорова «„Слово о полку Игореве“ — былина XII века» (Л., 1941). Замечу кстати, что диссертация была высоко оценена всеми тремя оппонентами, но ни один оппонент с основными выводами А. И. Никифорова не согласился.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, 1951, стр. 132, 134 и др.; перепечатана в книге: В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. Изд. «Наука», М.—Л., 1974, стр. 58 и сл.

¹¹ А. Н. Котляренко. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 193.

¹² Там же, стр. 195.

¹³ Д. С. Лихачев. О названии «Задонщина». В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 475.

памятника,¹⁴ во-вторых, скрытостью этой тенденции, заставляющей автора исключать из рассмотрения целые пласты вопросов и целые разделы научной литературы, без которых этот вопрос нельзя решать и даже ставить его, в-третьих, своей методической беспомощностью и натяжками, которые он допускает, в-четвертых, наивным представлением о том, что фольклоризм произведения сводится только к его «языковой оболочке» и может быть доказан выхваченными из контекста параллелями.

¹⁴ Еще раз напомню, что в вопросе о взаимоотношении «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» существует только одна альтернатива: либо «Слово» воздействовало на «Задонщину», либо «Задонщина» воздействовала на «Слово». И эта единственная альтернатива существует только для неспециалистов, которым затруднительно войти во все сложности этой проблемы.

